

В шестидесятих и начале семидесятых буквально из каждого окошка звучали песни в исполнении **Вадима МУЛЕРМАНА**. Но потом для радио и ТВ певец по приказу "сверху" стал персона нон грата на двадцать долгих лет. Правда, публика на высочайшие распоряжения плевала и на концерты певца ходила по-прежнему. Да у самого певца судьба сложилась так, что последние шесть лет он живет в Соединенных Штатах. И в Москву приехал ненадолго, чтобы выступить с единственным концертом в Театре эстрады.

— Вадим, как вас занесло в Америку?
— Был такой композитор Борис Шапиро, пригласил выступить с концертом меня, Великанову, Трошину. А дальше все покатилось, понеслось: одно предложение, второе. Потом у меня случилось несчастье — смертельно заболел брат, надо было пытаться его вылечить. Перевез брата в Америку, к сожалению, не помогло, там он всего год протянул. Медицина стоила дорого, стал отбрасывать долги. И только последние два года оказались полнее: друзья "пробили" на пост директора детского шоу-мюзикл-театра во Флориде. Ребята в нем и ученики, и артисты одновременно. Вроде бы ладим. Встречают меня визгом и величают "мистер Мулдерман".

— В бытовом плане в Штатах устроились нормально?
— Быт обыкновенный. Жилье снимаю, на дом не заработал пока да и не собираюсь его покупать. В лучшем случае приобрету квартиру.
— Живете с семьей?
— Нет, я один.
— Такой обаятельный — и один?
— С семьей разошелся еще в восьмидесят восьмом году. Но в дальнейшем думаю как-нибудь устроить свою личную жизнь.

— Психологически эмиграция далась тяжело?
— Очень. Я ведь никогда не думал этого делать. Но я не эмигрант, сохранил российское гражданство. Просто работаю по контрактам и получил право на жительство в Америке, потому что состою при театре. А скажу по России так, что нет сил. Америка — прекрасная, изумительная страна, но, видно, не для меня. Я ногами прирос к этой земле. Больше всего не хватает общения, привычного круга знакомых, друзей. Хотя и здесь их стало намного меньше: многие уже ушли из жизни. Я уважительно отношусь к коллегам по эстраде, но дружил в основном с драматическими актерами — Евстигнеевым, Леоновым. Считаю своими друзьями Коллю Караченцову, Толю Рошину, Валю Гафта. Не могу сказать, что мы каждый день в гости друг к другу ходили, но отношения очень поддерживали.

— Здесь вас знали как певца. Режиссером уже в Америке стали?
— Там. Хотя практика перед отъездом была — сделал Театр еврейской песни. И вообще не могу сказать, что был здесь неблагополучным. Моя творческая судьба сложилась счастливо, я состоялся как певец. Хотя трудностей хватало. В канун сорокалетия первого года тогдашний глава Гостелерадио Лапин поздравлял свой аппарат с наступающим праздником и сказал: "Постараемся в следующем году обойтись без Мулдерманов и Мондрусов!" И все. Записи начали размагничивать, а когда собрался на гастроли, объяснили, что я — в "черном"

списке. Благодарен судьбе, что оказался в нем рядом с Вишневецкой и Ростроповичем — это была честь для меня.

нием не было никакой. Получилось, что я опять инкогнито.
— Но многие вас помнят. Иные еще с тех времен, когда

зону, у Иосифа все в порядке, концертов много". Сам его порекомендовал, и Лева с Кобзоном почти всю жизнь проработал. А у меня появил-

ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ

МИСТЕРА МУЛЕРМАНА

ЦК партии, КГБ, а вот Фурцева позвонила мне домой и велела немедленно прийти. При встрече сказала: "Вадим, ты не нервничай, не волнуйся. Я, к сожалению, с Лапиным ничего не могу поделать, поскольку у него прямой выход на Брежнева и он этим бравирует. Но по своей части не позволю тебя уничтожить". Вызвала начальника управления музыкальных учреждений, велела разобраться, почему без движения лежат бумаги на присвоение мне звания "Заслуженный артист РСФСР", отдала команду уладить все с гастрольями. И отбыла в командировку в Японию. А когда вернулась, через месяц умерла — такое уж мое еврейское счастье. На местах директора филармоний мне концерты по ее приказу давали, но для страховки отправляли в некрупные города. В таком подвешенном состоянии и прожил двадцать лет.

— Как выжили?
— За счет публики прежде всего. Хотя я и был "закрит" для радио, ТВ, на концертах, где бы ни выступал, залы были переполнены. Но все равно приходилось тяжело. Плохо, когда молчит телефон. Здесь-то и проявилось, кто друг, а кто недруг. И даже в нынешний мой приезд возникли сложности. Договорился о концерте с Театром эстрады, отношение здесь ко мне очень доброжелательное, да вот рекламы перед выступле-

вы стали лауреатом Первого Всесоюзного конкурса артистов эстрады. В том шестидесятом году к вам и пришла первая слава?

— Да, начали приглашать везде. И так получалось: все, что ни пел, становилось хитом. Даже не могу сказать, какие из них самые знаменитые. Наверное, и "Хромой король", или "Король-победитель", как я его называл, и "Трус не играет в хоккей", и "Лада", и "Случайность", и "Гуцулочка". Тогда специально на артиста не писали, разве что у Бабаджаняна с Магомаевым было творческое сотрудничество. А я искал песни в основном среди молодых авторов. В то время молодыми были Тухманов, Шаинский, Женья Мартынов, Юра Антонов. Членами Союза композиторов они не состояли, пробивать их песни было очень тяжело, но у меня получалось.

— Ходили слухи, что у Мулдермана жуткий характер. Это так?

— Считаю, что человек без характера — вообще не человек. Я очень требователен в работе и к себе, и к музыкантам. Но от тех, с кем работал, ничего, кроме добрых слов, не слышал. Первым моим ансамблем было трио Алика Тартаковского, шикарного пианиста, потом был Лева Оганезов. Когда меня "прикрыли", он пришел: "Что делать, мне семью надо как-то кормить". Я ему: "Иди к Коб-

ся Женья Александров, прекрасный пианист, один из последних в знаменитой династии, связанной с Краснознаменным ансамблем, еще Лева Чижик со мной иногда играл.

Ну а насчет жуткого характера разговоры пошли, наверное, оттого, что не давал себя в обиду. Когда начались давлении, запреты, меня потихонечку начали "душить" — каждый по-своему. И я отвечал достаточно резко, сопротивлялся. Прослыш непокорным. Я же пел только те песни, которые ложились мне на сердце, от многого отказывался, старался создавать свой репертуар. Не прощай нечестности. А тот же Фельдман, к примеру, звонил и просил срочно записать его песню, а потом я слышал ее по радио совсем в другом исполнении. Я не стеснялся прямо сказать автору: "Оскар Борисович, это неприлично". И в партию я не вступал. Я не очень политизированный человек и политической интригой постолюсь, поскольку хочется. Чтобы жить стало хорошо. Понимал, что партийность обесценивала поэзию за границу, карьеру. Но по своей натуре не

ки, чтобы приехать на мои концерты. Запел я лет в десять, и первая моя песня была "В Краснодаре в грозном зареве войны комсомольское подполье поднялось за честь страны..." Но я очень стеснялся публики, пел только дома за закрытой дверью. А однажды, когда был уже в старших классах, закрыться позабыл. Как раз домой с работы пришел на перерыв отец, услышал меня, тут же схватил за руку и повел в вечернюю музыкальную школу. Позже я окончил драматическую студию при Театре имени Шевченко, Харьковскую консерваторию, ГИТИС. Так что дипломы у меня есть всякие.

— Со сцены вы казались добрым...

— Я не злой человек. Но вспыльчивый. Зато отхожу ровно через две секунды. Представьте себе такую ситуацию. Я на сцене, пою очень красивую песню Бориса Райкова из какой-то сказки. Дело происходит в Кургане, у меня четвертый концерт за день. Я тогда много работал — и выдерживал благодаря хорошей вокальной школе да и молодой был. Это позволяло и удовлетворяло спрос публики, и просто выживать: ставки-то были мизерные — я получал за сольный концерт тридцать три рубля, а мой музыкант — шесть. Но мы не халтурили и даже ОБХСС, который нас периодически проверял, в конце концов это дело бросил, заявив: "Мулдерман работает на совесть". Однако должен признаться, что музыканты у меня были выпивающие — не выдерживали напряжения и в антрактах принимали грамм по пятьдесят с бутербродом. И вот пою я в Кургане под контрабас и рояль, адресую песню красивой девушке в зале и вдруг к третьему куплету слышу: рояль нет! Думал, у меня инфаркт будет. Зажигается свет, аплодисменты, я поворачиваюсь к пианисту, чтобы ему задать. А он мне жалостливо: "Вадюшенька, не пой таких медленных песен!" Оказывалось, он уснул на сцене. Тут я расхохотался, тем и кончилось.

— Ваш оптимистичный репертуар тоже был продиктован особенностями характера?

— Я по натуре оптимист. Но с годами жизнь меня так побила! И в личной жизни всю семью покосило: за короткий промежуток времени сразу четыре смерти. И с работой туго приходилось. Словом, я стал спокойней. Но, бывает, вспоминаю свои веселые песни — и вдруг воспряну немножко. Вообще я лирический певец. Но жизнерадостных песен у меня раньше было больше. Сейчас же преобладают грустная лирика. Да и не по душе мне те клипы, что крутят сегодня с утра до вечера, от них с ума можно сойти. Ведь весь фокус в том, чтобы ты вышел и доказал, что ты — артист. Не за счет девочек рядом, которые тебя "украшают", а за счет собственных сил, если ты чего-то стоишь.

— В Америке много поете?

— Мало. Раз в год проезжаю по Америке, пою нашим эмигрантам. Хотя пару раз выступал перед американскими евреями, пел на еврейском языке, они были в восторге. Но те агенты, которые там помогают актерам, мне честно говорили: "Эх, если бы вам было лет на десять — пятнадцать меньше..." Да и потом, все мы настолько пропитаны русской культурой. Я в Америке долго не могу, должен приезжать сюда. Раньше возвращался в Харьков и набирался сил от мамы, а сейчас везде одни могилы. Честно

говоря, и дома у меня здесь нет, жить фактически негде. И все равно говорю, что приезжаю домой. Стараясь возвращаться на родину летом или весной, чтобы подышать свежестью деревьев, трав. Потому что в Америке ничто не пахнет: ни фрукты, ни овощи, ни растения. Яблоко ешь как траву!

— Какие песни ваши самые любимые?

— "Детство" и "Где же ты, счастье" Шаинского. Да очень много было красивых песен. Я вообще люблю все красивое: женщин, песни, природу. Только что был на Дальнем Востоке по приглашению еврейской общины и посла Израиля в России, участвовал в фестивале в Хабаровске. И дальневосточная природа меня потрясла!

— Какой должна быть песня, которую вы поете?

— Хорошей. Я своих слушателей никогда не обманывал, всегда выносил на сцену песни, которые волновали меня. И был уверен, что они способны взволновать любого человека в зале.

— Ваш сценический образ с жизненным совпадал?

— Почти. Только на сцене я был более сдержан. А в жизни взрывной! Меня убивает несправедливость. Может, за себя я и не очень могу постоять, но вот за моих музыкантов способен глотку перегрызть.

— Отдохнуть вам удается?

— Редко. К счастью, мне достаточно пяти часов сна. Правда, сейчас, когда мне за пятьдесят, могу иногда днем вздремнуть минут пятнадцать. Я легко "восстанавливаюся", умею расслабляться. В отпуске в основном играю в преферанс. И из-за моей азартности всякие анекдоты ходили: дескать, Мулдерман идет на мизера, на которые нормальный человек идти не может. Я очень рискую — и больше выигрываю, чем проигрываю.

— В вашей жизни хватало и бед, и радостей. С каким чувством вспоминаете прожитые годы?

— С теплым. И всех своих врагов простил.

— Это продиктовано религиозностью?

— Считаю, что все от Бога. Сам больше хожу в церковь, чем в синагогу. А знаете почему? Люблю хорошее пение. Когда в синагоге кантор начинал свое: Ай-я-йй, меня это не интересует. А вот когда красиво звучит церковный хор — погибаю.

— Где остановились в Москве?

— У своего самого верного друга, который намного старше меня, — конферансье Евгения Кравинского. К нему могу приехать всегда и сказать: "Я останусь у тебя ночевать". А вот кому другому не смогу — вдруг откажет? Я боюсь слова "нет".

— Что еще вас пугает в жизни?

— Я не трусливый человек. Но боюсь хамства, подлости, гадости. Боюсь за завтрашний день сегодняшних детей. Неприятно, что Москва превратилась в бандитский город. Что талантливому человеку в нашей стране сейчас не прожить, потому что ему за все надо платить. А во всем мире платят артисту!

— И все-таки если бы у вас здесь появилась возможность жить и работать, вы бы вернулись?

— Да, однозначно. Потому что я люблю свою страну. Но просто не вижу сейчас в ней возможности для себя ни жить, ни работать. Мне сегодня, к сожалению, ничего не светит здесь.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.